

Мука мученическая эти новые туфли на каблуках. И ладно бы еще каблук, но зачем к туфлям платформу-копыто присобачивать? Колодка совсем не гнется, и стопа поутру, когда пришлось их надеть, заныла, а к обеду так воспротивилась истязанию, что пришлось мысленно ее уговаривать: потерпи, миленькая, что ж делать, если мода такая... Знать бы имя того женоненавистника, который такую моду придумал, да заказать бы ему анафему! Нет, сам по себе каблук не страшен, с ним все, в общем, понятно — классика, Коко Шанель и тому подобное. Но это копыто, простите! Для чего, зачем? Чтобы модная жизнь слишком сладкой не казалась? Да видала она ее в гробу, эту модную жизнь! Если бы после лекций не надо было к маме за деньгами ехать, лежали бы эти копыта в коробке, и все дела...

Да, странная картина получается, если проследить всю цепочку событий. К примеру, на-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

чать с того, как мама эти туфли покупала. Сама, без нее. Так ясно эта процедура в голове всплывает... Вот мама зашла в магазин, вот медленно обвела взглядом полки с обувью. Конечно же, эти, с копытами, ей сразу в глаза бросились. Да еще и продавщица наверняка подсуетилась с рекомендациями «последний писк моды, сейчас все так носят». Определенно мама еще и на себе этот «писк» опробовала. И коварная продавщица тоже наверняка зашлась восторгами, профессионально упрятав наплывшую на лицо ухмылку — уж больно неказисто этот «писк» смотрелся на маминых полных, коротковатых, а к возрасту еще и слегка отечных ногах. Зато как она потом ей эти туфли дарила! Как у нее глаза блестели в ожидании восторженных «ахов»! Тут уж хочешь не хочешь, а впрямь ахнешь и изобразишь все, что она желает, по полной программе. Потом, конечно, ругнешь себя за потворство насилию, и так и останется это слабенькое ругательство в душе, маминым удовольствием придавленное...

А впрочем, бог с ним, с упавшим ругательством. Заботу материнскую ценить надо. Она же хорошая дочь, а не эгоистка какая-нибудь. К тому же еще и полная мамина иждивенка, и за мамин счет обучаемая студентка, хоть и прожи-

Добрая, злая

вающая отдельно-самостоятельно. Кстати, на этой отдельности-самостоятельности мама сама и настояла, когда в ее беззаботном иждивенчестве вдруг возник бойфренд Кирюша, и очень уж как-то их сожителство с легкой маминной руки быстро организовалось, она и опомниться не успела. И даже тот факт, что Кирюша с трудоустройством не спешил и удачно в это совместное иждивенчество вписался, маму отнюдь не смутил. Так и заявила: а что, мол, такого, ищет себя парень! Пусть ищет, прокормим! Просто взяла и удвоила сумму еженедельного пособия, аккуратно выдаваемого по вторникам. Щедро, надо сказать, пособия. Еще и посмеивалась потом с удовольствием, пересказывая старый анекдот — передайте Ильичу, нам и это по плечу...

Ну как в этот очередной вторник она могла новые туфли не надеть, чтобы маме приятное сделать, чтобы хоть как-то уменьшить неловкость за это двойное денежное пособие, пусть и физическими страданиями? Обязана просто была, если уж в модное сожителство с бойфрендом Кириллом так опрометчиво вляпалась. Нет, что ни говори, а странные нынче веяния молодой жизни пошли — чтоб у каждой уважающей себя девицы бойфренд-сожитель имелся... А мама чего?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Она для дочери старается, чтоб от веяний, не дай бог, не отстала.

О-о-о... Вот наконец и родной подъезд. Еще немного, еще чуть-чуть, лишь подняться на шестой этаж, вдавить палец в кнопку звонка...

— Ты чего так долго? Хоть бы предупредила, что ли... — недовольно пробурчал Кирюша, поворачиваясь к ней голой, невообразимо красивой мускулистой спиной и уходя в глубь квартиры.

— А сам догадаться не мог? Ты же знаешь, я к маме ездила! Сегодня вторник, между прочим! — невольно огрызнулась она, падая на мягкий пуфик в прихожей и стаскивая с ног ненавистные оковы. — Еще и туфли новые пришлось надеть...

— А чего, классные туфли! — полуобернулся он от двери. — У тебя в них ноги длинными кажутся!

— Вот сам бы и попробовал... Кажутся, не кажутся... Я чуть не умерла, целый день в них проковыляла!

— Ладно, не ворчи. Лучше пожрать сообрази чего-нибудь. Я голодный.

Ах, пожра-ать... Вот так, значит! Голодный, надо же! Путь к сердцу мужчины лежит через желудок! А к ее сердцу, значит, и путей пролагать

Добрая, злая

необязательно? Хоть бы для приличия поцеловал в щеку...

— Кир, там же в холодильнике борщ есть...

— Уже нет. Я его съел.

— Всю кастрюлю?!

— Нет! Кастрюлю оставил! Или с голодухи кастрюлю тоже надо было разгрызть?

Ох многовато получилось сарказма. Не в пропорцию. Не в тему. Наверное, и сам на фоне ее молчания свой косяк почувял, спросил уже более миролюбиво, с доброй телячьей интонацией в голосе:

— Как там Татьяна Семеновна? Она, кстати, звонила днем, спрашивала, почему твой мобильник отключен...

— А то мама не знает, почему он отключен! Я ж на лекции сидела!

— Ну, я так ей и сказал... Классная у тебя все-таки мать, Санька. Повезло тебе. Ты даже и сама, по-моему, толком не представляешь, как тебе с матерью повезло!

Кируша вздохнул, на выдохе по-сиротски опустил плечи, глянул на нее преданно, расслабленно, с завистливой тоской. Вот бы мама такой искренней уважухе порадовалась! Хотя... Было что-то неприятное в этой его искренно-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

сти. Ладно бы парень и впрямь сиротой был, а так... При живых и здравствующих родителях, проживающих свою трудную малозарплатную жизнь в забытом богом поселке Сергеевка, что находится в трех часах езды на электричке...

А с другой стороны, жалко его. И впрямь, чего ему в этой Сергеевке делать? Работы нет, занять себя нечем. А здесь он в поиске. Здесь, в городе, возможностей больше. Опять же, какая-никакая, а ячейка общества у них образуется, хоть и в зародыше. И вообще... Борща ей жалко, что ли?

— Я сейчас, Кирюш... Посижу немного и ужин сотворю. Отбивные будешь?

— Буду.

— Тогда достань пакет из холодильника, сунь в микроволновку, чтоб разморозились. А на гарнир что? Гречку или макароны?

— Не, я гречку не люблю. Макароны давай.

— Отлично. Будут тебе макароны. А который час, Кирюш?

— Так десять уже вроде... Слышишь, по телевизору «Стройка любви» начинается? Ладно, я смотреть пошел...

Она в который уже раз тихо изумилась этому странному, образовавшемуся в последнее время пристрастию. Откуда у двадцатипятилетнего

Добрая, злая

парня, в общем неглупого, взялся почти маниакальный интерес к пресловутому, всем уже набившему оскомину реалити-шоу? Вон даже звук погромче сделал, упал в кресло перед телевизором, теперь его полтора часа от него за уши не оттянешь... Чудны дела твои, господи... Хотя, как мама говорит, пусть лучше «Стройку любви» смотрит, чем пьет, курит и с чужими бабами шарахается. Одна маленькая глупая страсть трех больших и пагубных стоит. Что ж, пусть...

Поднявшись с пуфика, она тяжело прошлепала босыми, еще не отошедшими от тяжких оков ступнями на кухню. Так и есть, полна коробушка-раковина грязной посудой! Поскандальить, что ли? А впрочем, бесполезно. Если даже артобстрел в квартире начнется, все равно внимания не обратит. Тем более там, в телевизоре, судя по звукам, свой очередной скандал назревает. Какая-то девица орет, как потерпевшая, и звон разбитого стекла слышен, и такое частое характерное «пиканье» пошло, что уже и слов не разобрать...

Ничего, споем поздний ужин и мытье посуды на тяжкую женскую долю. Как мама говорит: а как ты хотела, с мужиком жить да маникюра не попортить? Не станешь же ей возражать, что ничего такого она, в сущности, так уж

ВЕРА КОЛОЧКОВА

сильно и не хотела... Ни мужика, ни маникюра, ни каблуков с копытами... Но кто же в своей жизни только собственными хотениями руководствуется? Все как надо, так и живут...

Да, так и живут. Как надо. Помнится, в детстве ей это самое «надо» представлялось веревочной лесенкой, спущенной откуда-то сверху. Хочешь не хочешь, а карабкайся. И страшно, и ноги соскальзывают, и руки от напряжения болят. И спуститься вниз еще страшнее. Лучше уж наверх... А что там, наверху, непонятно. Хотя чего непонятно-то? Там, как говорила мама, все жизненные достижения: хороший школьный аттестат, поступление в престижный институт, приличная денежная работа и полное семейное благополучие — чтобы муж не абы какой плюгавенький достался, а всем на зависть, молодец-красавец, чтобы были семейный уют да любовь. Достижение при ее внешности, прямо скажем, очень сомнительное... Но опять же слышится снизу, с земли мамино твердо-оптимистическое — прочь сомнения на этот счет, доча! Лезь вперед и вверх! Подумаешь, внешностью не удалась! Нестрашно! Передайте Ильичу — нам и это по плечу!

Хмыкнув, она в последний раз шмякнула молотком по распластанной на разделочной доске

Добрая, злая

отбивной, подняла голову, глянула на свое отражение в темном от подступивших сумерек окне. Ох-х-х... Если не знать, что это ее собственная хмурая рожа из окна взглядывает, можно и руками взмахнуть от испуга — чур меня, чур... Недаром мама ее всегда остерегает — не забывай про лицо, доча! Брови низко не опускай, губы до твердости не сжимай и за взглядом следы — так, мол, иногда на людей смотришь, будто укусить хочешь. Не расслабляйся! Никому ж не докажешь, что у тебя природное расположение мышц на лице такое... Будто ты не девушка из приличной семьи, а мексиканская бандитка-рецидивистка. А потом еще и вздыхала сочувственно: и угораздило же меня, доча, тебя при рождении Сантаной назвать...

Да уж, угораздило. С этим не поспоришь. Злую шутку сыграл с мамой сериал «Санта-Барбара»: очень уж сильно увлеклась его сюжетом, когда с пузом ходила. Говорит, отвлекалась... Помогали, говорит, американские страсти собственную семейную неопределенность пережить. А заключалась эта неопределенность в ожидании вестей от папы — студента-историка, присланного в деревню, где жила молоденькая мама, как водится, на осеннюю уборку картошки. Познако-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

мились они в клубе, на деревенских танцульках, мама его сама там и приглядела. Сама подошла, на танец пригласила, обаяла местным говорком да фольклором... Надо полагать, бойкая была девица. А папа — книжный тюфяк в очках. Про таких теперь говорят — ботаник. Но тем не менее ребеночка таки умудрился ей заделать...

В общем, пережила мама свою беременную неопределенность довольно благополучно. За зиму папа от испуга отошел, совестью расчувствовался, по весне приехал, отношения официально оформил. А сериальные страсти все равно мимо родительских отношений не прошли — досталось ей от них в наследство это дурацкое имечко: Сантана. Была такая мексиканка-героиня в сериале — больше всего ей мама сочувствовала. То ли она бедная-разнесчастная была, то ли ребеночка у нее украли... Теперь уж неважно. Да и не в этом, собственно, вся трагедия. Не в мексиканском имени как таковом.

Три года об этой трагедии никто и не догадывался. Жили и жили себе они с мамой в деревне, под крылом у бабушки. Отец приезжал в выходные, пока в институте учился, потом распределение получил, стали они с мамой планы строить... Ему на новом месте, как человеку се-

Добрая, злая

мейному, комнатку в общежитии посулили. Стали собираться потихоньку. Вот тут и раскрылась трагедия. Три года назад нерадивая служащая в сельсовете тогда при регистрации ребеночка по имени Сантана Семенова взяла да забыла вписать в имени на свидетельстве о рождении первую букву «н»... По невнимательности, конечно. А получился ужас. Выходит, не Сантаной ребенка назвали, а Сатаной...

Бабушка Анна, как ошибку заметила, так и осела на пол. Заголосила, на маму чуть не с кулаками набросилась: не могла ребенку нормального имени придумать! А мама и сама испугалась, подхватила у нее из рук это свидетельство да побежала со всех ног в сельсовет, скандал там от всей души закатила. Свидетельство, конечно, новое выписали, но тут уж бабушка Анна испугалась: не отпущу, говорит, от себя внучку, пока прощение за нее не вымолю... Вы, говорит, там, в городе, засуетитесь и лоб лишний раз не перекрестите, а я ее каждый день буду в церковь водить... Пусть хоть до школы около меня живет, разнесчастная! Отмолю ее как смогу...

Так она и провела свое детство в деревне, у бабушки Анны. Мать с отцом приезжали часто, подарками задаривали. Платья, игрушки, обнов-